

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 23, Is. 1, pp. 262–270, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-23-1-262-270
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82

The Problems of Preservation of National Traditions and Ethical Views in S. Balykov's Story "Stronger than the Power"

Delgir Yu. Topalova¹

¹ Ph. D. of Philology, Scientist of the Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: delya.top@yandex.ru

Abstract

The article considers the works of one of the brightest representatives of the Kalmyk literary exile — Sanji Basangovich Balykov (1892–1943). His writing career began in exile. However, despite this circumstance, national pictures in his works are drawn with extreme care and thoroughness. The life of the Kalmyk people never ceased to interest him. In his works S. Balykov acts as a kind of psychologist and ethnographer. He describes life, traditions and customs of the Kalmyk people. Every his work, whether it is a story, a narrative or a novel, is associated with his thoughts on homeland, its history, culture and language of the great and long-suffering people. Reading the story "More than power" one can reveal a correlation between the writer-emigrant and the ethno-national traditions, and see the degree of his national identity realization (given the fact that the writer socialized within the emigre circles) that provides a basis to determine the origins of his works. The author of the article concludes that the national thinking of the writer is reflected in his works through ethical categories. The main communicative goal is that disrespect and disregard for all norms of national ethics of its people is a bad omen, which may be followed by great tragedy for all humanity. Every nation is great not by its size, says the Kalmyk writer, but by the power of the national spirit, preserving the language and culture.

Keywords: literary activity of the Kalmyk emigration, mentality, traditions, national identity.

Имя Санджи Басанговича Балыкова, одного из наиболее ярких и заметных представителей калмыцкого зарубежья, сегодня уже хорошо известно современному читателю. Видный общественно-политический деятель, писатель, мемуарист, публицист, человек интересной и сложной судьбы, он вынужденно покинул родину и оказался в эмиграции в период Гражданской войны.

Книги далекого писателя-земляка, статьи о нем стали появляться в Калмыкии лишь с начала 90-х гг. XX в. До этого времени тема, связанная как с культурной, так и с литературной деятельностью калмыцкой эмиграции, была практически полностью закрыта. Завеса приоткрылась лишь в тот период, когда в обществе уже не столь рьяно придерживались идеологических принципов советского периода, осуждавших эмигрантов, а догма, согласно которой творчество писателей зарубежья является своего рода «отрезанным ломтем» [Барабаш 2000: 5], изжила себя. Литературу эмигрантского зарубежья мы можем с полным основанием отнести к «возвращенной».

Становление Санджи Балыкова как творческой личности происходило в эмиграции. Однако, несмотря на это обстоятельство, этнографические картины в произведениях нарисованы так, как будто писатель творил у себя на родине. Находясь в условиях чужбины, но в плену родной стихии, с постоянной опорой на собственную национальную культуру, он со скрупулезной точностью воссоздает картины быта, традиций кочевого народа. И эта особенность не носит в его рассказах и повестях чисто внешний характер в качестве простого этнографического обрамления. Личностная национально-этническая ментальность автора выражается в образе мышления и поступках его героев, в выражении подлинной национальной психологии. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть, как это проявляется на примере рассказа «Сильнее власти».

Анализируя произведения Санджи Балыкова, нетрудно заметить, что для них обычно не свойственен хронологический принцип построения. Ни одно из них писатель не датировал. Для исследования тем не менее важно определить время создания произведения. Рассказ «Сильнее власти» был напечатан в журнале «Ковыльные волны», № 9, 1934 г. Исходя из этого, мы можем предположить, что написан он был примерно в начале 30-гг. XX в. Спустя

42 года, в 1976 г., это произведение было вновь выпущено в Мюнхене в одноименном сборнике С. Балыкова, составителем которого выступила супруга писателя Доржима Бадмаевна Бембетова. На форзаце книги она выражает благодарность за оказанную помощь Намджал Санджиновне Бурхиновой, выполнившей рисунок для обложки книги (на котором изображены три тюльпана — символа родной земли. — Д. Т.), и Павлу Сергеевичу Полякову, представителю калмыцкой эмиграции, писателю, переводчику, поэту и публицисту. Как сообщает Р. А. Джамбинова, благодаря поддержке друзей, земляков Д. Б. Бембетова опубликовала прозу С. Балыкова в Европе, а также способствовала переводу сборника на английский язык, главным редактором которого стал профессор Рейн Крюгер [Джамбинова 2003: 152].

Увлекательный по своей насыщенности сюжет небольшого, но емкого по содержанию произведения передает читателю историю, в которой главными героями являются старый нойон Бамбур и восемнадцатилетняя супруга его сына, красавица Сяхиндя. Эти действующие лица и являются двумя значительными субъектами художественного пространства произведения, вокруг которых фокусируется вся событийная основа.

Рассказ состоит из трех частей, при этом центральной является последняя часть, содержание которой — разговор Бамбура с Сяхиндией. Экпозицией к главным событиям служит первая часть произведения, открывающаяся пейзажной картиной, не такой масштабной, но все же яркой, демонстрирующей скромную красоту зимней степи: «Когда ночь воровски накроет спящую землю толстым слоем сыпучего белого снега и тихим, ясным, морозным утром подыметесь солнышко, красотой величественной сверкает степь! Бескрайней белой парчей, горя на солнце мириадами искрящихся снежинок, расстилается она перед вами, сливаясь вдаль с серо-голубым небом. Оцепенев, молчит холодный простор, сверкая немой красотой... Любо по такой степи пустить коня широким шагом и, мурлыча в нос песню о воли степной, ехать — куда глаза глядят», — замечает писатель [Балыков 1976: 10–11].

Остановившись на экспозиции, можно обратить внимание на одну особенность — прием контраста, или же оппози-

ции, используемый писателем преимущественно в начале повествования. Солнышко, кажущееся вдалеке лишь точкой, и, напротив, величественная сверкающая красота абсолютно бескрайней степи, горящие на солнце мириады искрящихся снежинок и одинокая расстилающаяся «серо-голубая муть» [Балыков 1976: 11], огромное бескрайнее поднебесье и «маленькая черная лодочка» [Балыков 1976: 11] кружившего над головой степного коршуна, наконец, алая капля крови и «белое покрывало земли» [Балыков 1976: 11]. Далее, согласно содержанию, цепочку этих противопоставлений, замыкают два главных героя произведения: старый Бамбур-нойон и совсем еще юная восемнадцатилетняя красавица. Здесь мы можем сделать вывод о том, что каждое слово и создаваемые писателем образы, в том числе природы, у Санджи Балыкова несут важную семантическую нагрузку в контексте произведения.

Описания портрета главного героя в начале произведения нет, однако детали его одежды, а также указанные писателем предметы («колчан, полный стрел за плечами», «увесистая плеть», добротная волчья шуба, греющая, «как утроба матери» [Балыков 1976: 10] и «тонкий розовый стеганный кафтан» [Балыков 1976: 10] Бамбура) указывают на безбедное материальное положение и достаток. Здесь стоит обратить внимание на такие элементы одежды нойона, как «розовый кафтан» и «волчья шуба». Понятно, что кафтаны мужчины-калмыки не носили вообще, а тем более розового цвета. Мужской костюм составляли, по данным И. Житецкого, «киилик», «шалбур», «камзал», «бишмит», «лабшик», «ячи», «нюрмге», «дебель разного покроя» и «даха» [Бакаева 2008: 73]. Под кафтаном подразумевается «старинная длиннополая верхняя одежда» [Бакаева 2008: 389]. Считается, что в русском языке это слово было заимствовано (первоисточник — перс. *хафтан* — «куртка, кафтан на вате, надевавшийся под воинские доспехи») [Бакаева 2008: 389]. Как отмечается, «в X в. ввели в русскую моду варяги, которые, в свою очередь, подсмотрели его у персов» [Семь предметов...]. Сначала в нем ходили только князья и бояре, но со временем кафтан стали носить и все остальные сословия: от священников до крестьян [Семь предметов...]. Он был особенно распространен в допетровской Руси среди различных слоев населения. Отличительной

особенностью этого элемента одежды были удлиненные рукава. Состоятельные люди носили кафтаны из бархата, парчи, лучшего сукна, на дорогих мехах, с драгоценными пуговицами и украшениями; малоимущие — из простых тканей и дешевого меха с медными и оловянными пуговицами. В народном быту кафтан употреблялся до начала XX в. и шили его из простого сукна [БСЭ 1973: 547].

Санджи Балыков, упоминая «тонкий розовый стеганный кафтан» Бамбура [Балыков 1976: 11], разумеется, подразумевал бешмет. Здесь надо обратить внимание на тот факт, что произведение было написано автором в период его пребывания в Европе, и потому, используя это слово, он, возможно, подстраивался под европейскую или же русскую публику, которая, безусловно, не могла знать, что бешмет (*бишмуд*, *бушмуд*) — это верхнее платье, представляющее собой один из элементов калмыцкого мужского костюма. Можно отметить, что данный вид костюма имел и самостоятельное значение [Бакаева 2008: 161], но поверх бешмета могли также надевать одежду распашного типа. Конечно, смысловую константу этого термина писатель мог дать в сноске произведения, однако такой проблемы С. Балыков перед собой не ставил, причем ни в одном из своих произведений.

Говоря о втором элементе одежды нойона — шубе, — можно заметить, что она имела несколько названий в зависимости от того, из какого меха была изготовлена. Так, «шуба из мерлушки, соболя или лисьего меха, покрытая сукном или даже драпом, отрезная по талии, с широкими рукавами и большим воротником, называлась *уч*, шуба из овчины, сшитая по типу бешмета или халата, т. е. короткая или длинная, носила название *девл*; шуба же из шкур жеребят, шерстью вверх, которую могли позволить себе только богатые калмыки» [Бакаева 2008: 73]. Шубу из волчьей шкуры калмыки не носили. Скорее всего, словосочетанием «волчья шуба» автор завуалированно уже в самом начале своего повествования подчеркивает отрицательный характер своего персонажа. Невольно вспоминается и фразеологическое выражение «волк в овечьей шкуре», под которым подразумевается «человек, прикрывающий свои дурные намерения, действия маской добродетели» [Фразеологический словарь 1986: 76]. Это словосочетание, надо сказать, удачно

и достоверно передает реальный характер персонажа. Прикрываясь маской порядочного человека, нойона, управляющего целым улусом, а также главы семейства, он совершает действия и поступки, которые совершенно не соответствуют ни его социальному положению, ни традиционному национальному сознанию калмыка тем более. Но об этом позже.

Оседлав рыжего Арандзала, старый нойон выезжает в степь. Наслаждаясь панорамой зимних степных просторов, старик решает проверить свою былую охотничью удаль. Увидев в небе жертву — летящего коршуна, он, опустившись на одно колено и натянув тетиву, «сплетенную из вычесок девичьих волос» [Балыков 1976: 10], приготовился выстрелить по цели. «Невидимые молнии прищуренных глаз» [Балыков 1976: 10] мигом сковали парящего в небе коршуна, «скрипнули оскаленные желтовато-белые зубы» [Балыков 1976: 10], разыгрался азарт в его душе. Однако не осталось у Бамбур-нойона уже тех качеств, которыми он когда-то обладал: той «меткости в глазах» [Балыков 1976: 10], удалости и «крепости в руках» [Балыков 1976: 10]. Оправившись, птица выровняла крылья и, как будто ничего не случилось, стала снова подниматься вверх. Проехав немного вперед от того места, старик увидел алюю, «точно рубин» [Балыков 1976: 11], каплю крови, сброшенную с неба на «бархатное белое покрывало земли» [Балыков 1976: 11]. Бамбура поразила эта картина: задумавшись и любуясь, он долго, прищурившись, смотрел, мечтая встретить женщину с такой же «белой кожей, как снег и щеками, алыми, как эта капля крови» [Балыков 1976: 11]. Этот эпизод, насыщенный емкой смысловой символикой, основанной на оппозиции, становится в экспозиции прозаического произведения, пожалуй, одним из ключевых. Перо писателя словно моделирует развитие дальнейших событий в рассказе. Перед читателем вырисовываются две параллельные сюжетные линии (охота на степного коршуна и история любви), которые, пересекаясь во второй части произведения, создают интересный ассоциативный фон. Здесь можно обратить внимание и на цветовую гамму, несущую, если разобраться, тревожный и негативный штрих. Коршун улетел, оставив за собой красный, точно рубиновый, след. Красный — это цвет крови. Однако в рассказе он звучит новым смысловым от-

тенком, проходит через все повествование, пронизываясь определенной семантической линией: красный — это, возможно, и цвет трагедии, разыгравшейся в степи, а также драмы, случившейся в калмыцкой кочевой семье.

Все последующее развитие действия после экспозиции, начиная со второй части, связано с образом Сяхиндя. Мечта нойона о том, чтобы встретить женщину с такой же белой кожей, как снег, и щеками, красными, как кровь коршуна, осуществилась. Жена младшего сына нойона, красавца Данзана, — вот ради кого готов был теперь жить старый Бамбур. Раньше он не замечал ее красоты, однако, вернувшись с верховой прогулки в ставку, он больше не мог уже ни есть, ни спать, «в остывающем сердце старика неожиданно затеплилась искра восхищения» [Балыков 1976: 12]. Увидев Сяхиндю, Бамбур застыл в немом восторге. Словно вымеряя каждый слог и выражение, автор передает описание невестки, представшей в новом свете. Особого эстетического эффекта он достигает за счет многократного использования эпитетов, сравнений, коротких, емких метафорических, а также ассоциативных описаний. Подобная образность придает тексту нужную тональность и для формирования дальнейшего событийного плана: «...снежной белизной светилось ее лицо, нежной алой кровью горели пухленькие щеки, а глаза, как незамерзший родник в снегу, сияли черным огнем, и стройный ряд мелких белопенных зубов сверкнули смущенной улыбкой меж тонких, румяных губ. Сяхиндя была мала ростом и стройна, как молодой тавалжан» [Балыков 1976: 12]. С этого момента вспыхнувшая страсть старого нойона к молоденькой Сяхиндю выступает движущей силой конфликта, занимая все повествовательное пространство рассказа.

Молодая сноха с того дня, как нойон приехал с прогулки, со страхом и изумлением стала замечать, что он старается выделять ее в семье. С каждым днем он все больше разгорался «всепожирющим пламенем» [Балыков 1976: 13], особенно, когда молодая сноха, «легкая и стройная, как степная зурна, змеясь тонкой талией» [Балыков 1976: 13], проходила мимо него. От горящих лаской и страстью глаз свекра Сяхиндя становилось сначала страшно, однако, соблюдая традиционную почтительность к старшим, поддерживая полное ува-

жение к отцу, она делала вид, что ничего не случилось.

Согласно калмыцкому семейно-брачному этикету — правилам поведения замужней женщины в семейном кругу и обществе, как свидетельствует Д. Д. Шалхаков, «молодой возбраняется видеться со свекром и старшей жениховой роднею» [Шалхаков 1982: 44]. Невестка «всячески избегает случаев не только говорить, но даже глядеть на своего свекра, в кибитку же она может входить только во время отсутствия его» [Шалхаков 1982: 44]. Ссылаясь на А. Н. Максимова, исследователь сообщает, что отношения между женой и родственниками мужа были все же «довольно разнообразны» [Шалхаков 1982: 44]. «Иногда они исключают возможность какого бы то ни было общения между соответствующими лицами, не допускают между ними случайных встреч; в других же случаях они менее строги и сводятся к запрещению называть свекра или тещу по имени или к необходимости соблюдать в их присутствии особые приличия в костюме, сдержанность в выражениях и т. п.» [Шалхаков 1982: 44].

В рассказе Санджи Балыкова обычаи, связанные с семейно-брачными запретами, строго соблюдаются, но с допуском «случайных встреч» [Шалхаков 1982: 44]. Из содержания рассказа можно понять, что молодая семья и семья родителей мужа (*хадм*) жили рядом друг с другом, но, безусловно, не в одной кибитке, сохраняя формы «большой неразделенной и малой семьи» [Батмаев 2010: 200–201]. Итак, в центре рассказа Балыкова оказываются этические категории. Обстоятельство, на основе которого выстроен конфликт, далеко не типичное для калмыцких семей. Для самосознания народа оно асоциально, входит в разрез с нравственным, морально-этическим кодексом калмыцкого народа. Почему, будучи калмыком, Бамбур отказывается от своих национальных традиций и обычаев, от соблюдения вечных правил, от заветов, которые столь бережно хранились предками и пронизывали жизнь кочевников? «Отеческие обязанности к невестке и сыну, старинные национальные традиции, крепкие степные обычаи — все поправа поздняя любовь» [Балыков 1976: 13], — сокрушается писатель. Однако такой неожиданный сюжетный ход приводит к дальнейшему развитию конфликта, который в авторском видении и является ключевым.

В третьей части, в кульминации произведения, между главными героями происходит разговор, который расставляет все по своим местам. Это основной эпизод рассказа, в котором одним тугим узлом стягиваются основные проблемные нити повествования.

Сяхиндя, направившись в кибитку, решила привести себя в порядок. «Звездой восточной сияя красотой, сверкая в зеркале полуоткрытой грудью и обнаженными руками, в легком зеленом цегдике поверх белой сорочки, собиралась она расчесывать волосы, распустив их двумя волнистыми, длинными, блестящими черными пучками...» [Балыков 1976: 13], но неожиданно вошел свекор. По обычаю, «при родственниках мужа (*хадм*) калмычка должна была быть полностью одетой и обутой, не обнажать при них ноги и голову» [Шараева 2011: 44]. Поэтому женщинам предписывалось постоянное ношение обуви (босые ноги — верх неприличия), оттого и летней формой обуви у женской половины общества являлись сапоги [Бакаева 2010: 117]. Однако писатель, включив вышеуказанную картину в ткань повествования, закладывает определенный смысл: эпизод высвечивает нравственный конфликт в рассказе. Нойон, «властелин степи» [Балыков 1976: 14], в традиционном калмыцком обществе представлялся человеком «небесного происхождения», его почитание основывалось как на его положении в социальной лестнице, так и на особом отношении к нему как к «отцу», главе всего улуса, всего рода. Но герой нарушает заветы предков, разрушая тем самым традиционные для национального самосознания семейные устои. На примере своего героя автор показывает постепенный процесс утраты нравственных ориентиров, момент, когда человек словно «теряет себя», свое духовное содержание.

Особое внимание привлекает и описание Сяхиндя, которое совершенно не соответствует традиционной культуре калмыков. Согласно национальным традициям, верхняя одежда замужней женщины-калмычки «предполагала наличие повседневного костюма (*хуцтн*, *берз*) и нарядного платья (*терлг*, *цегдг*)» [Бакаева 2008: 165]. Женщины надевали *кишлг* (рубашку) с белым воротником, который должен был выглядывать из горловины платья, затем сверху *терлг*, поверх которого накидывался *цегдг*. Как поясняет Э. П. Бакаева, *терлг*

«был схож с повседневным платьем хутцан, но гораздо дороже из-за использования привозных тканей и обилия вышивки» [Бакаева 2008: 167]. *Цегдг* — верхнее платье, «которое полностью закрывало нижнее платье» [Бакаева 2008: 167]. Героиня рассказа принадлежит к роду нойона, о принадлежности к знатному роду указывает и такая деталь, как «расшитый золотом бархатный джатак» [Балыков 1976: 13], которым девушка успевает покрыть голову, когда вошел свекор. Любопытно, что легкий зеленый *цегдг* был накинута на Сяхиндя не поверх *терлг*, как это положено, а белой сорочки, под которой Балыковым подразумевается, скорее всего, *кишлиг*. Неполный костюм замужней женщины — это также прием в описании Балыкова, демонстрирующий неординарность ситуации. Особое внимание в этом эпизоде также привлекает упоминание полуоткрытой груди и обнаженных рук героини. Предстать перед свекром, отцом мужа, в таком виде невестка, безусловно, не могла, так как это полностью противоречит ментальности калмыков, воспринимается как дерзость и неуважение к *хадм*. Здесь же нельзя обойти вниманием и другой момент.

У. Душан констатирует, что, «если сноха случайно покажет свою голову или ногу хадм, то непременно должна была угостить его чаем или вином, причем должна была просить, чтобы ей простили ее оплошность» [Душан 1976: 17]. В рассказе С. Балыкова дерзкое нарушение всех правил приличия было не со стороны жены сына, а со стороны свекра. По обычаю, прежде чем войти, согласно нормам «хадым» [Душан 1976: 17], он должен был заранее известить об этом сноху. У. Душан об этом факте в культуре калмыков пишет следующее: «Лица, которые являлись по отношению к какой-нибудь женщине „хадым“, при своем приближении к ее кибитке давали о себе знать, чтобы она могла вовремя принять все необходимые предосторожности» [Душан 1976: 17]. Однако уже понятно, почему автор избегает этой сюжетной и вместе с тем этнографической детали, требуя иного разрешения конфликта. Поэтому, когда свекор вдруг неожиданно вошел в кибитку, Сяхиндя, никак не ожидая такого поступка, «побледнела» [Балыков 1976: 14], но успела «накрыть голову расшитым золотом бархатным джатаком» [Балыков 1976: 14]. Вот как этот сюжет описан у Санджи Балыкова:

«Бамбур-нойон, приближаясь к невестке. — Я причесываюсь, отец; вам нельзя сюда!

— Сяхиндя, деточка чудная, ты можешь не накрывать голову, — заговорил Бамбур, перебивая ее.

— Что говорите? Где такой закон, чтобы невестка показывала свекру непокрытую голову и причесывалась при нем? — отвечала Сяхиндя.

— Деточка, законы и обычаи создаются ханами, они же могут их нарушать и изменять...

— Ошибаетесь, отец. Ханы и нойоны меняются, умирают, а законы и обычаи народа вечны, они сильнее власти; обычаи народа умирают только с народом, — вся вспыхнув, заговорила молодница.

— Деточка моя, ты прекрасна... Тебе бы миром править... я потерял покой, я мучаюсь. Полюби меня, всю степь приведу к твоим ногам, все препятствия устраню, — душась словами, заговорил Бамбур» [Балыков 1976: 14].

«Когда неожиданно вошел в кибитку свекор» [Балыков 1976: 13], Сяхиндя собралась расчесывать волосы.

Традиционно, когда девушка выходила замуж, ей заплетали две косы, сверху надевали матерчатые чехлы — *шиврлг*. В этом месте рассказа всплывает еще одна не лишняя противоречий картина: Сяхиндя распустила волосы «двумя волнистыми, длинными, черными пучками» [Балыков 1976: 13]. Согласно традиции, замужние женщины-калмычки, прежде чем привести волосы в порядок, распускали сначала одну косу и, только расчесав и переплетя ее, расплетали другую. Распускать сразу две косы у калмычек не было принято, так как согласно верованиям калмыков волосы «являлись одним из вместилищ души человека. В девичьей косе была заключена только ее душа, ее жизненная сила, а с момента заплетания волос в косы она становилась хранительницей жизненных сил своих и мужа» [Шараева 2011: 125].

Исходя из всего вышеизложенного на первый взгляд читателю непонятно, почему возникает такой резкий контраст мышления? С одной стороны, писатель — представитель своего народа, пропагандирующий национальные обычаи предков, думающий о сохранении языка и культуры родного народа, а с другой — в его же тексте встречается описание, абсолютно противоречащее всем

нормам национальной этики. Думается, что столь смелое решение С. Балыкова обосновывается, скорее всего, чисто художественными целями, когда одна сюжетная деталь должна перекликаться с другой. Если провести ассоциативную линию от сюжета рассказа, то такое описание Сяхиндя в момент кульминации произведения, по сути, помогает автору передать всю атмосферу глубинного конфликта, разоблачить и «вскрыть» его уродливую и трагическую стороны, т. е. прийти согласно писательскому замыслу к некоему общему смысловому единству. Через вышеуказанные детали он отразил гнетущее впечатление тяжкого семейного разлада, дал возможность прочувствовать накал и драматичность возникшей ситуации, заключающей в себе знак греховности, а также грубое нарушение всех норм нравственной этики кочевого народа.

В момент разговора Сяхиндя и Бамбура «с горящими, как у затравленного волка глазами» ворвался в кибитку Данзан. Писатель не описывает какого-либо раскаяния или же сожаления со стороны старика-отца. Он лишь отмечает следующее: «...потухнув взором, старческой походкой вышел из кибитки отец, съезживаясь под буравящим взглядом сына» [Балыков 1976: 14]. С одной стороны, в этом описании все же содержатся мотивы покаяния героя за одолевавший его любовный иску: потухший взгляд старика, его вид говорят о том, что свою вину, по крайней мере перед сыном, он, пусть и не в полной мере, но все же осознал. С другой стороны, в этой обрисовке чувствуется печальный, но горький авторский сарказм в отношении своего героя. Глава всего улуса, состоятельный нойон, имеющий большую власть и влияние, хранитель обычаев, «первый муж степи» [Балыков 1976: 14], как называет его главная героиня, нарушает все законы степного кодекса своего народа, разрушает ту духовную национальную основу, которая с самого рождения заложена в самосознании каждого калмыка. Разворачивая события именно таким образом, С. Балыков, по сути, изображает реальные явления действительности, присущие и нашему времени: проблема сохранения национального языка и культуры, традиционных ценностей.

В авторском сознании Сяхиндя является воплощением национального типа женщины-калмычки, но, кроме этого, она настоя-

щая хранительница национальных традиций и обычаев родного этноса. Именно силой своего характера она отстаивает их перед свекром. Ее образ полностью выкристаллизовывает нравственные позиции писателя. Нойон же, как глава рода и семьи, улуса, следуя народному миропониманию, обязан был особенно рьяно следовать всем традициям. Однако мир для него словно лишен и нравственной, и логической и, главное, социальной и национальной опоры. Герой перешел границы нравственных и национальных устоев. Как отмечает Р. А. Джамбинова, с одной стороны, «поздняя на исходе лет любовь — венец человеческой жизни, с другой стороны, страсть, несущая разрушение» [Джамбинова 2003: 155]. Из-за своей слепой любви к молодой снохе нойон стал как будто слаб умом, превратился в человека, утратившего все этические представления, а вместе с тем и духовную память.

Таким образом, национальное мышление писателя отражено в рассказе в зеркале этических категорий. Основная коммуникативная цель автора сводится к мысли о том, что неуважение к традициям и обычаям народа, игнорирование нравственно-этического кодекса и его осквернение, — плохая примета, за которой может последовать большая трагедия и для каждого народа, и для всего человечества. Единичное может множиться, перерастая в отрицание всех ценностей, поддаваясь, словно «выворачиванию» наизнанку. Неслучайно свой рассказ Балыков заканчивает так: «В степи начинался великий раздор» [Балыков 1976: 14]. Поэтика заглавия рассказа сводится к утверждению писателем той истины, что «вековые обычаи» [Балыков 1976: 14] и традиции будут жить до тех пор, пока их будет чтить и помнить народ. Именно об этом говорит Сяхиндя старому Бамбуру в финале рассказа. Речь идет о «незыблемости векового национального духовного стержня, на котором держится и сохраняется каждый этнос при любых испытаниях» [Алиева 2005: 128]. Каждый народ велик не своей численностью, утверждает автор, а своим «цельным присутствием в истории» [Алиева 2005: 128], силой национального духа, сохранением языка и культуры. Санджи Балыков неоднократно развивает этот мотив в своих произведениях, потому что душа его там, на чужбине, болела за сохранение традиционной наци-

ональной системы ценностей народа. И в этом заключается национальное миропонимание С. Балыкова, «складывается» его национальная идентичность.

Литература

- Алиева С. У. Проза народов Северного Кавказа // История национальных литератур. Перечитываемая и переосмысливаемая. Вып. IV. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 120–133.
- Бакаева Э. П. Одежда в культуре калмыков: традиции и символика. Элиста: ГУ «Издательский дом „Герел“», 2008. 189 с.
- Балыков С. Б. Сильнее власти: сб. рассказов. Мюнхен, 1976. С. 10–14.
- Батмаев М. М. Семья в XVII–XIX веках // Калмыки; отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. С. 200–214.
- Барабаш Ю. Я. Вступительные заметки // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. I. М.: Наследие, 2000. С. 3–6.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Совет. энцикл., 1973. Т. 11: Италия — Кваркуш. 608 с.
- Борманджинов А. Санджи Балыков // Теегин герл. 2004. № 4. С. 65–69.
- Джамбинова Р. А. Критерий исследования — научная этика // Литература Калмыкии: проблемы развития. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 150–161.
- Джамбинова Р. А. Шаги духовного примирения: к 100-летию писателя Санджи Балыкова // Теегин герл. 1993. № 5. С. 91–104.
- Душан У. Д. Этнографический сборник. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. Вып. 1. С. 5–88.
- Семь предметов русской одежды [электронный ресурс] // URL: <http://russian7.ru/2013/06/7-predmetov-russkoj-odezdy/carskij-kaftan/> (дата обращения: 01.02.2016).
- Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков [и др.]; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. С. 76.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1: А — Пантомима. С. 189.
- Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков: XIX — начало XX в. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков: XIX — начало XX в. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011. 223 с.

References

- Alieva S. U. *Proza narodov Severnogo Kavkaza* [The Prose of the peoples of the North Caucasus]. *Istorija nacional'nyh literatur. Perechityvaja i pereosmyslivaja. Vyp. IV.* (The History of national literatures. Rereading and rethinking. Vol. IV). Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, pp. 120–133 (In Russ.).
- Bakaeva E. P. *Odezhda v kul'ture kalmykov: tradicii i simbolika* [Clothing in Kalmyk culture: traditions and symbols]. Elista, GU “Gerel” Publ. House, 2008, 189 p. (In Russ.).
- Balykov S. B. *Sil'nee vlasti, sbornik rasskazov* [Stronger than power. A collection of short stories]. Munich, 1976, pp. 10–14 (In Russ.).
- Batmaev M. M. *Sem'ja v XVII–XIX vekah. Kalmyki. Otv. red. Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L.* [Family in the 17–19 centuries. Kalmyks. Manag. edit. Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L.]. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 200–214 (In Russ.).
- Barabash Ju. Ja. *Vstupitel'nye zametki* [Introductory notes]. *Literaturnoe zarubezh'e: problema nacional'noj identichnosti. Vyp. I.* (Writing abroad: the problem of national identity. Vol. I.). Moscow, Nasledie Publ., 2000, pp. 3–6 (In Russ.).
- Bol'shaja Sovetskaja Jenciklopedija, v 30 tt. Gl. red. A. M. Prohorov. Izd. 3-e.* [The Great Soviet Encyclopedia. In 30 vols. Edited by A. M. Prokhorov. Ed. 3-d.]. Moscow, Sovet. jencikl., 1973, vol. 11. Italija — Kvarkush, 608 p. (In Russ.).
- Bormandzhinov A. *Sanzhi Balykov*. Teegin gerl, 2004, no. 4, pp. 65–69 (In Russ.).
- Chernykh P. Ja. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo jazyka. V 2 tt. Izd. 3-e., stereotip.* [The Historico-etymological dictionary of modern Russian language. 2 vols. Ed. 3rd.]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1999, vol. 1. A — Pantomima, p. 189. (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Kriterij issledovanija — nauchnaja etika* [The Criterion of the research — research ethics]. *Literatura Kalmykii: problemy razvitija* (Literature of the Kalmykia Republic: problems of development). Elista, APP “Dzhangar” Publ., 2003, pp. 150–161 (In Russ.).
- Dzhambinova R. A. *Shagi duhovnogo primirenija: k 100-letiju pisatelja Sanzhi Balykova* [Steps for spiritual reconciliation: the 100th anniversary of the writer Sanzhi Balykov]. Teegin gerl, 1993, no. 5, pp. 91–104 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Jetnograficheskij sbornik* [Ethnographic collection]. Elista, 1976, Issue. 1, pp. 5–88 (In Russ.).

- Frazeologicheskiy slovar' russkogo jazyka. Sost. L. A. Vojnova, V. P. Zhukov i dr. Pod red. A. I. Molotkova.* [Phraseological dictionary of the Russian language. Compiled by L. A. Voinov, V. P. Zhukov and others ed. by A. I. Molotkov.]. Moscow, "Russkij jazyk" Publ., 1986, p. 76 (In Russ.).
- Sem' predmetov russkoj odezhdy* [Seven items of the Russian clothing]. Available at: <http://russian7.ru/2013/06/7-predmetov-russkoj-dejdy/carskij-kaftan/> (accessed: 1 February 2016). (In Russ.).
- Shalhakov D. D. *Sem'ja i brak u kalmykov (XIX – nachalo XX v.)* [Family and marriage of Kalmyks (19 – early 20 century)]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, 86 p. (In Russ.).
- Sharaeva T. I. *Obrjady zhiznennogo cikla kalmykov (XIX – nach. XX v.)* [The Life cycle Rituals of Kalmyks (19 – early 20 century)]. Elista, NPP "Dzhangar" Publ., 2011, pp. 103–127 (In Russ.).

УДК 82

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РАССКАЗЕ С. БАЛЫКОВА «СИЛЬНЕЕ ВЛАСТИ»

Делгир Юрьевна Топалова¹

¹ кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: delya.top@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается творчество одного из самых ярких представителей калмыцкой литературной эмиграции — Санджи Басанговича Балыкова (1892–1943). Становление писателя как творческой личности происходило в период эмиграции. Однако, несмотря на это обстоятельство, национальные картины в его произведениях нарисованы с особой точностью и скрупулезностью. Жизнь калмыцкого народа не переставала его интересовать. В своих произведениях С. Балыков выступает своего рода психологом и этнографом, описывающим быт, традиции и нравы калмыцкого народа. Каждый его рассказ, повесть, роман связаны с мыслями о родине, ее истории, культуре, языке, великом и многострадальном народе. На примере рассказа «Сильнее власти» выявляется коррелятивная связь писателя-эмигранта с этнонациональными традициями, а также исследуется степень воплощения национальной идентичности автора (учитывая тот факт, что он социализировался в эмигрантской среде), что дает основу определить истоки его творчества. Делаются выводы о том, что национальное мышление писателя отражено в произведении в зеркале этических категорий. Основная коммуникативная цель при этом сводится к мысли о том, что неуважение, игнорирование всех норм национальной этики своего народа — плохая примета, за которой может последовать большая трагедия для всего человечества. Каждый народ велик не своей численностью, утверждает калмыцкий писатель, а силой национального духа, сохранением языка и культуры.

Ключевые слова: литературная деятельность калмыцкой эмиграции, ментальность, традиции, национальная идентичность.